

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ОЗЕРОВ

БАСНИ

im WERDEN-VERLAG
MOCKBA - AUGSBURG 2001

Владислав Александрович Озеров (1769—1816), автор прогремевших на русской сцене начала XIX столетия стихотворных трагедий «Эдип в Афинах», «Фингал» и «Дмитрий Донской», как поэт был известен только узкому кругу друзей: все его стихотворения появились в печати лишь посмертно. Озеров в 1789 г. окончил Сухопутный шляхетный кадетский корпус, где находился под сильным влиянием преподававшего словесность Я. Б. Княжнина. В 1790-е годы он служил при А. В. Храповицком, был вхож в домашний круг Г. Р. Державина, но окончательной литературной средой для него стал кружок-салон А. Н. Оленина. Возможно, общение с поэтами, которые сами писали басни и интересовались

спорами вокруг них, было причиной, почему Озеров обратился к этому жанру, казалось бы, столь противопоказанному его дарованию драматурга-трагика. Точная датировка четырнадцати его сохранившихся басен неизвестна. Скорее всего, они писались на протяжении 1790—1800-х годов, до выхода басен И. А. Крылова, которому, как другу Олениных, могли быть известны в рукописи. Озеров перелагал исключительно сюжеты Лафонтена, причем сравнительно вольно по отношению к источнику. Впервые полностью эти переложения были опубликованы в сборнике: В. А. Озеров, Трагедии. Стихотворения (Л., 1960). По наблюдениям комментатора, некоторые из них представляют отклики на события общественной жизни и биографии Озерова. Все они выдержаны в традиционной форме басни, с обязательным выделением нравочужения.

© „Im-Werden-Verlag“, 2001

© Басни №1-5: подготовка текста и примечания В.П. Степанова и Н. Л. Степанова; биографическая справка В.П. Степанова, «Русская басня XVIII-XIX веков», Большая серия Библиотеки поэта, Л., 1977

© «Сочинения Озерова», СПб, 1846, издание Александра Смирдина (басня №6)

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

1. ОРАТОР И БОЛВАН

 Был некий человек,
 Который целый век
От красноречия не знал себе покою:
Учение текло из уст его рекою.
 Блистал мой говорун,
 Подобно как перун,
И, бегая голов упорных,
Старался находить судей покорных.
В дубраву он зашел.
Стоял в дубраве той Болван.
Под сенью древ вития мой
Гремит с воспламененным духом
 Перед болваньим ухом
И чванится, как будто Цицерон,
Как за Лигария вступился он.

Кто ритор, кто болван — узнай, читатель!
 Оратор мой — писатель,
Которому не могут быть с руки
 Прямые знатоки,
И любит, чтоб ему дивились дураки.

<1797>

2. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

У Волка вечная привычка кушать жадно.
Какой-то постник Волк себя не остерег
И завтрак проглотил; но горлу лишь неладно
Пришла последня кость и села поперек.
Поблизости Журавль, для пищи ль, для игрушек,
Ловил у ручейка зевающих лягушек;
И Волк, которому кричать уже невмочь,
Махает Журавлю, чтобы пришел помочь.
 Журавль услужлив, как известно,
И в Волчью пасть свой нос влагает честно
И тащит из нее засевшу в горле кость,
 Нанесшую обоим им заботу.
 Потом, подставя Волку горсть,
 Покорно просит за работу.
Свирепый Волк сказал: «Благодари меня,
 Что нынешнего дня
Ты в целости свою унести мог шею
Из-под моих зубов. Теперь себе поди,
Но только в когти мне вперед не попади».

Нам пагубно самим благодотворить злодеев.

1790-е гг.

3. ОСЕЛ И СОБАЧКА

Не будем, вопреки способностям природным,
Искать несвойственных нам к счастью путей.
Природа не равно щедрела людей:
Один рождается в свет к художествам свободным,
Другой — к простому ремеслу.
Пусть каждый с долею своею остается,
И он не ошибется,
Как то случилось Ослу.

Одним хозяевам с потешницей большою,
С Собачкою, Осел служил.
Сравнив ее судьбу с своею он судьбою,
В лукавый час неловко рассудил:
«За что Собачка так мила всему здесь дому?
С тарелки кушать ей, из чашки пить дают,
А мне лишь жалуют овсяную солому
И в барыши за лень почасту только бьют.
Когда на задние Собачка ножки станет
И лапochку хозяину протянет,
Хозяин милует, берет ее с собой,
Когда ж хозяйюшку она лизнет разочек,
Хозяйка сахарцу ей уделит кусочек,
А сахар нынче дорогой!
Собачка ластится: вот тут и вся причина.
Так выберу веселый день
И приласкаюсь сам: улучшится судьбина,
Пойдет и мне тогда ячмень,
И, может быть, мою понежат лень».
В сей мысли крайне бестолковой,
Завидев издали хозяина с обновой,
Осел бежит, и, равно перед ним
Став дыбом, он ему кладет тяжелу ногу
На правое плечо; горланьем же своим
На весь наводит двор и пушью тревогу.
Хозяин закричал: «Что сделалось с тобой?
Какая ласка и потеха!
Иль стал ты скот уж прямо круговой?
Гей, дайте плеть сюда для смеха!»
Явилась плеть; Осел переменил напев
И отшагал смиренно в хлев.

4. ВОРОНА-ПРОСИТЕЛЬНИЦА

Имела некая Ворона вкус:
Любила муз;
И говорит Орфею,
По-русски — Соловью:
«Исполни просьбу ты мою,
О чем просить тебя я смею!
Имею
Лишь одного
Я сына;
Он в старости отрада мне едина;
Пожалуй, ты его
Наставь так петь, как сам поешь ты нежно!
Он скоро переймет, лишь поучи прилежно»,
А Соловей в ответ: «Голубушка моя,
Готов бы оказать тебе услугу я;
Но знай, не только я, да если с Геликона
Сынка сведешь учить всех муз и всех богов,
Не будет он в числе певцов:
Не может соловьем быть никогда ворона».

Вовек того не даст искусству мастерство,
Чего лишило нас, к несчастью, естество..

5. КУЗНЕЧИК

Кузнечик ветренный, про стужу позабыв,
Все красны дни пропел среди веселых нив,
Как вдруг зима: не стало в поле крошки,
Ни червячков, ни мушечек, ни мошки,
Чем душу пропитать.
Пришлось умереть иль где займы искать.
Кузнечик к Муравью, ближайшему соседу,
Явился к самому обеду:
«Почтенный Муравей, премудрый сын земли,
Запаса твоего частичку удели!
Я уверяю клятвой,
Что с ростом всё отдам пред будущей жатвой!»
Но Муравей довольно всем знаком:
Великий скопидом,
Ни зернышка он даром не погубит,
Охотник собирать, а раздавать не любит.
«Да как же запасть ты в лето не успел?» —
Спросил Кузнечика капиталист нечивый.
— «Я, малым быв счастливый,
И день и ночь напевы пел

Всем встречным
И поперечным,
Не чаяв летним дням конца». —
«Так ты, голубчик, пел? Пляши же голубца!»

6. ВОЛКИ И ОВЦЫ

У племени Волков и племени Овец
Велась война чрез тысячные лета.
Соскучившись, они решились наконец
Мир вечный заключить. Не собирав совета,
По обстоятельствам, чтоб время не терять,
Сошлись вожди, велели написать
На гербовых листах подробны договоры,
И приложить большую к ним печать,
И по обряду разменять.
Притом, чтобы вперед у них не вышло ссоры,
Одни для верности в заклад
Волчонков отдали, своих любезных чад;
А Овцы, сущи простофили,
В залогов отпустили
Собак, своих друзей
И старых сторожей,
Которые, как мир дела окончил ратны,
Остались праздны и заштатны.
И так во всем краю настала тишина;
Свобода резвая на пажитях видна;
Уж Волки на Овец вдали лишь скалят зубы,
И пастухи Волков не ходят бить на шубы:
Казалось, что сошел на землю век золотой.
Волчонки между тем повыросли матеры;
В уме у них один разбой,
И стали, как отцы, прямые живодеры.
Лишь только пастухов спустили со двора,
Сии залогов клятв и договоров мирных
Как с словом: нам домой пора,
Напали на ягнят на лучшеньких, на жирных,
И пастию их мчат под тень глухих лесов.
Там волчий весь народ принять их был готов.
Собаки лишь, о том не знав и без печали
Надеявшись на мир, спокойно почивали
Где нет забот, там крепок сон;
И Волки их отнюдь не разбудили,
А, подведя сильнейшего закон,
Их просто сонных задавили.

Без устали, друзья, пойдем войной на злых!
Залогов пагубны и ложны клятвы их.
Когда там мир бывает прочным,
Который заключен с бессовестно-порочным?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Сын отечества», 1828, ч. 3, с. 109. Направлена против Н. П. Николева, ожесточенного противника Я. Б. Княжнина, которого Озеров считал своим учителем в поэзии. Николеву принадлежат два трактата по вопросам поэзии: «Рассуждение о российском стихотворстве» (1787) и «Лиро-дидактическое послание к Дашковой» (1791), вызывавшие насмешки многословной тяжеловесностью стиля и претензиями на «учительность». Николев ответил на басню Озерова стихотворением «Басня» («Болван-молокосос из силы вон кричал...»), напечатанным в его «Творениях» (1797). И чванится, как будто Цицерон, Как за Лигария вступился он. Речь Цицерона (106—43 до н. э.) в защиту полководца Лигария, обвиненного в измене, является прославленным памятником античного красноречия.

2. Стих., 1960, с. 397, где опубликовано по автографу: Институт русской литературы (Пушкинский дом). На сюжет басни Лафонтена «Le loup et la cigogne».

3. «Сын отечества», 1817, ч. 1, с. 129. Печ. по Стих., 1960, с. 392, где текст выправлен по автографу Озерова. На сюжет басни Лафонтена «L'âne et le petit chien».

4. «Сын отечества», 1828, ч. 3, с. 110.

5. Стих., 1960, с. 391. На сюжет басни Лафонтена «La cigale et la fourmi».

6. Печатается как приложение по изданию „Сочинения Озерова“ СПб, 1846 (издание Александра Смирдина), — прим. издательства „Im Werden“

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биография Озерова из энциклопедии Брокгауза-Эфрона

Озеров, Владислав Александрович — трагик (1769 — 1816). Окончил кадетский корпус с первой золотой медалью; участвовал в занятии Бендер Потемкиным (1789); служил в лесном департаменте; несколько лет жил уединенно в деревне, в Казанской губернии. Озеров воспитался на французской литературе XVII—XVIII веков и первое стихотворение свое написал на французском языке; в корпусе он любил играть во французских трагедиях. Из русских писателей первыми учителями его были Княжнин и Болтин. Чтение французских романов и платоническая любовь к замужней добродетельной женщине, отвечавшей ему взаимностью, имели влияние на склад его сентиментального характера и сообщили романтический оттенок всей его поэзии. Из литературных кружков Александровского времени Озеров ближе всего был к кружку А. Н. Оленина. Первые произведения Озерова — оды, басни — не свидетельствовали о поэтическом даровании. Первая трагедия его, „Смерть Олега Древлянского“, поставленная в Петербурге в 1798 г. , написана в стиле Княжнина, отличаясь больше его недостатками, чем его достоинствами. Большой успех выпал на долю второй трагедии Озерова: „Эдип в Афинах“, поставленной на сцену в 1804 г. Не зная греческого языка, Озеров заимствовал своего Эдипа не у Софокла, а у французского трагика Дюси. Как у Дюси, так и у Озерова, совершенно изменился весь характер античной трагедии, потерявшей свою величавость. У Софокла Эдип, несчастный, но суровый отец, изрекающий проклятие своим детям, является жертвой и орудием неумолимого рока; у Дюси и у Озерова это слабый, страдающий, чувствительный старец, сознающий всю тяжесть своих преступлений и прощающий своего

преступного сына Полиника. Антигона Софокла без всякой восторженности, спокойно, строго исполняет свой долг; у Дюси и у Озерова она сентиментальна, многоречива и плаксива. У Софокла смерть Эдипа облечена покровом тайны, могила его должна оставаться никому неизвестной; у Озерова вместо Эдипа умирает Креон, о котором известно, что он царствовал в Фивах после Этеокла и Полиника. Следующая трагедия Озерова, „Фингал“, наиболее ценная с точки зрения историко-литературной, появилась в 1805 г. Содержание ее заимствовано из песен Оссиана: Фингал, владыка Морвены, победил локлинского царя Старна, убил сына его Тоскара, но побежден прелестью Моины, дочери Старна, которая отвечает ему взаимностью; пылая мстостью за смерть Тоскара, Старн соглашается на этот брак, задумав убить Фингала во время бракосочетания, но, не успев в этом замысле, убивает Моину. По отзыву Вяземского, в этой трагедии, в которой только одно трагическое лицо — Старн, — Озеров „с искусством умел противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему во глубине души преступные замыслы, взаимную и простосердечную любовь двух чад природы, искренность Моины, благородство и доверчивость Фингала“. „Фингал“ глубоко трогал зрителей, особенно, когда роль Моины исполняла знаменитая Семенова. Своего апогея слава Озерова достигла при постановке в 1807 г. трагедии „Димитрий Донской“, отвечавшей подъему патриотических чувств во время войны с Наполеоном. В этой трагедии много исторических несообразностей. Дмитрий — не бесстрашный герой, каким изображают его летописи, и не смиренный князь, каким он представляется в „Сказании о Мамаевом побоище“: это рыцарь западных романов, который на войне занят любовными приключениями, да и самое мужество свое он черпает из любви к даме сердца. Димитрий Донской влюблен в нижегородскую княжну Ксению (хотя он в это время был женат); Ксения же, отвечающая ему взаимностью, — невеста князя Тверского, которому она предназначена родителями и для венчания с которым она прибыла в стан. Накануне битвы Димитрий вступает в спор с князем Тверским из-за обладания Ксенией и ссорится со всеми князьями, так, что они хотят оставить его одного сражаться с Мамаем. Чтобы прекратить раздор князей, Ксения сначала хочет удалиться в монастырь, а затем решается даже выйти за нелюбимого князя Тверского. После битвы князь Тверской, узнав о подвигах Димитрия, примиряется с ним и сам передает ему Ксению. Монологи Димитрия („Ах, лучше смерть в бою, чем мир принять бесчестной... „; „Умрем, коль смерть в бою назначена судьбою... „ и другие) и рассказ боярина об окончании битвы и о победе над Мамаем („Рука Всевышнего отечество спасла... „) вызывали гром рукоплесканий, особенно когда их произносил знаменитый Шушерин. Сильно увлекали зрителей этой трагедии и рассуждения героев о подчиненном положении женщины в семье, о несправедливости брака по принуждению, о княжеском самовластии. Небольшие отступления от псевдоклассического рецепта, допущенные Озеровым, вызвали нападки ревнителей классицизма и гонителей сентиментальной школы, с князем А. А. Шаховским в главе. Нападки эти, в связи с неприятностями по службе, тяжело отразились на слабом здоровье Озерова, самолюбивого, раздражительного и мнительного. В 1809 г. Озеров закончил трагедию „Поликсена“, которую сам считал лучшим своим произведением, но публикой она принята была довольно холодно. После первого представления „Поликсены“ особенно усилились интриги врагов Озерова. Все это сильно подействовало на Озерова: он впал в расслабление, мало-помалу перешедшее в тихое помешательство. Смерть Озерова Жуковский приписывает чувствительности и печали, испытанной им от завистников. Булгарин, в своих „Воспоминаниях“, замечает, что Озеров погиб не столько от „стрел зависти“, сколько от болезни печени; с этим соглашается и Белинский. Ревностного поклонника Озеров нашел в лице князя Вяземского, который называет его преобразователем русской трагедии и заслуги его сравнивает с заслугами Карамзина, как преобразователя русского прозаического языка. Пушкин не признавал в Озерове таланта. В общем значение Озерова сводится к тому, что он хотя и следовал формам ложноклассической драмы, но внес в русскую трагедию элемент сентиментальный. Произведения его вскоре оказались тяжелыми, риторическими и устаревшими; в его стихе нет плавности и свободы. Его сочинения изданы в 1818 и 1827 годах со статьей Вяземского, в 1846 г. — без этой статьи; полное собрание — в издании М. О. Вольфа (СПб, 1856). — Ср. А. И. Селин „Значение Озерова в истории русской литературы“ (Киев, 1870); Порфирьев „История русской словесности“ (часть II, Казань, 1891); замечания Л. Н. Майкова в полном собрании сочинений Батюшкова (том I) и сообщение Я. К. Грота о могиле Озерова в „Русском Вестнике“ (1888, № 6). Новейшая монография об Озерове: П. О. Потапов „Из истории русского театра. Жизнь и деятельность В. А. Озерова“ (Одесса, 1915; обзор источников и литературы об Озерове, биография, литературная среда и развитие творчества Озерова).